

Солженицы.

ЛИТЕРАТУРА современности раздвоилась. Силы, взметенные вихремъ 1917 года, разнo проснулись къ эстетическому сознанию.

Варыхленная желѣзными плугами, взлелѣянная кровавымъ дождемъ, Россія всколосила поле поэзіи народными порослями новой литературы. Деревья и городъ разнo восприняли великій переворотъ, и разная выросла въ нихъ поэзія.

Рабочее искусство еще не отстоялось. Оно выдвинуло большихъ художниковъ, но идущихъ разными путями. Огромная пропасть раздѣляетъ А. Гастева отъ В. Маяковского, которые совершенно разнo восприняли одну и ту же желѣзную тему—симфоніи города, камня, огня и мятежной толпы. Большевики рабочимъ искусствомъ объявили футуризмъ. Но это новое официальное искусство неглубокими корнями проникло въ рабочую массу.

Рабочие-поэты, — а ихъ немало, — еще не сумѣли отвѣять чистую поэзію отъ митинговой рѣчи. А. Поморскій, Самобытникъ, М. Герасимовъ еще не вошли въ художественную литературу—да и войдутъ ли?

Пролетарскіе поэты бросаются отъ одной крайности къ другой отъ футуризма и его необузданной еретической дерзости къ размазанному лубку тенденціозно-аллегорическихъ пѣсень борьбы.

Иначе въ крестьянской поэзіи. Сразу и неожиданно для самихъ себя, крестьяне-поэты нашли свой путь, смѣло пошли сплоченной и дружеской толпой. И это понятно. Они творятъ, исходя изъ древнихъ истоковъ русской народной поэзіи, пережившей подъ фундаментомъ культуры вѣка подземнаго глухого бытія. Теперь революція, какъ дикое землетрясеніе, взорвала и разнесла поверхностныя наслоенія, обнажила нетронутую мощную цѣлину, глубокіе пласты народнаго творчества. А пролетарію, у котораго нѣтъ прошлаго, нѣтъ традицій, приходится заново творить, какъ заново онъ возвелъ на обнаженной землѣ желѣзные кошмары заводовъ. Ничѣмъ не связанный съ прошлымъ, пролетарій отъ самого себя начинаетъ новую эстетическую линію, и она ломается, рвется, выгибается кривыми зигзагами.

Народное національное искусство въ Россіи много лѣтъ было искалѣчено маскарадной фальшью славянофильства, „официальнаго народничества“, а потомъ эстетическими изувѣрствами истинно-русскихъ людей.

Алексѣй Толстой научилъ жеманныхъ барышень рядиться въ древне-кіевскіе наряды, а московская боярская и царская Русь изъ музеевъ переступила пороги придворныхъ залъ, но въ ней звучалъ такой же ложный слащавый романтизмъ, какъ въ итальянско-русскихъ мотивахъ музыки Глинки.

Прежде всего—прочъ романтизмъ, прочъ идеализованную стилизацію старины! Даже церковно-народная, глубокая и мечтательная красота твореній Алексѣя Ремизова годится для гербарія сохлыхъ травъ, но не для цвѣтущаго луга народной современности.

Въ русскомъ крестьянствѣ еще сильны истоки національной цѣльности и нетронутости своеобразной революціонно-религіозной красоты: ибо многолѣтнее рабство научило русскаго крестьянина и бунту и молитвѣ...

Лѣтомъ прошлаго года въ партійномъ органѣ социалистовъ-революціонеровъ „Дѣло Народа“ появились стихи Николая Клюева, Сергѣя Есенина и Петра Орѣшина.

Всѣ трое—„люди крестьянскаго сословія“. Они положили начало русской народной національной поэзіи. Въ до-Петровской Руси была эта поэзія, потомъ заглохла, и возродить ея не могъ ни Кольцовъ, задохнувшійся въ теплицѣ гегелевской философіи, ни задуманный русскимъ безвременьемъ Никитинъ, ни прогнившіе въ народнической пѣсени Суриковъ и Дрожжинъ.

Н. Клюевъ былъ знакомъ раньше. Онъ принадлежитъ къ поколѣнію социалистовъ-революціонеровъ 1905 года, и выносилъ свои поэтическія мысли въ годы реакціи, оторванный отъ земли, когда царскимъ терроромъ, какъ огнемъ, было выжжено русское поле. Онъ принадлежалъ въ семьѣ отверженныхъ сыновъ родины, умиравшихъ за нее въ дальнемъ осѣжденномъ краю, подъ ропотъ схимника-бора, подъ звонъ кандалный, въ тюремной тоскѣ или на царской висѣлицѣ.

Я надѣну черную рѣбаху,
Опяшусь кожанымъ ремнемъ,
По камнямъ двора пройду на плаху
Съ просвѣтленно-радостнымъ лицомъ.

Плаха — а за нею, какъ голубая вечерняя тѣнь, стоитъ родной образъ.

Вспомню маму, крашеную прялку,
Синій вечеръ, дрему свѣтлыхъ стѣнъ,
За окномъ ночующую галку,
На окнѣ любимый бальзамень,
Луговинъ поемные просторы
Тишину обкошенной межи,
Облаковъ жемчужные узоры
И дѣвичью пѣсенку во ржи.

Но даже этотъ сонъ, простой и тихій, печаль человѣка, стоящаго передъ разстрѣломъ или повѣшеніемъ за крѣпостнымъ валомъ, нарушать „боемъ роковымъ куранты крѣпостные“...

Должно было настать освобожденіе страны, чтобы слить, казалось бы, несоединимые элементы современной крестьянской поэзіи: народный языкъ, символы христіанства, могучій древній языческій зооморфизмъ природы, революціонное міросозерцаніе и утонченную технику новаго стиха.

Революцію Н. Клюевъ воспринялъ романтически, какъ воскрешеніе древней народной воли, старой крестьянской культурности, богатой образами и суровой строгостью духа. Поэтому революція для него раздвоилась: одна — циничная, удалая, красногвардейская, другая — раскрывшаяся, какъ потаенный апокрифъ, въ книгѣ Голубиной, какъ освобожденіе духа народнаго отъ вѣшняго наноснаго гнета.

Не поетъ кудесница-лучина
Про мужицкій сладостный Ширазъ.
Древо пѣни бурей разбито.—
Не Триодъ, а Каутскій въ углу...

Садъ благоуханныхъ розъ мужицкаго Шираза истоптанъ—
Грезитъ паренъ стачкой и Палермо,
Президентомъ, гаркомъ кастаньетъ.
Сказка—чужь, а тайна—коршунъ сѣрый..
Облетѣлъ цвѣтокъ купальской вѣры
Въ слезный рай, въ озимый древній шумъ.

Не то—крестьянская Русь. О ней, о ея возстаніи, о ея романтикѣ сложилъ Клюевъ пѣсню-призывъ, въ которой чудесно смѣшаны прокламаціи социалистовъ-революціонеровъ и народная мистика и смутная вѣра.

Двѣнадцать мѣсяцевъ въ году,
Посланецъ бурь—февраль;
Онъ полуночную звѣзду
Перековалъ на сталь.

Народъ—соборный Богъ—
Онъ—воскрешенный Исусъ—
Народъ родной страны.

Онъ живетъ въ стѣнахъ Ржаного Града, котораго не сломить ни штыкъ, ни чугунный громъ. Онъ — красногосый вѣчевикъ. Его пшеничный государь—овинъ, въ вѣнцѣ изъ хлѣбныхъ звѣздъ. Онъ издаетъ сермяжный манифестъ о дѣлѣхъ многоплеменнаго каравая въ градѣ Земли и Воли.

Какіе странные и смутные напѣвы! Ихъ еще не слыхала русская поэзія. И еще болѣе смутными отголосками крестьянской темной вѣры отозвался Н. Клюевъ на „октябрьскую“ вторую революцію.

Суровые образы старыхъ московскихъ царей захватчиковъ престола встали для Н. Клюева изъ московской древней тьмы, Иванъ Грозный и Борисъ Годуновъ, а въ ихъ ряду—Ленинъ...

Намъ красная молвь по уму,—
Въ ней пламя, цвѣтенъе сафьяна;
То Черной Неволи Васму
Попрала стопа Юанна.

Юаннъ вызволилъ Русь изъ татарской неволи, выходецъ изъ татаръ Борисъ захватилъ престоль.

Борисъ—златоордный мурза—
Трезвонитъ Иваномъ Великимъ,
А Ленинымъ вихрь и гроза
Причислены къ Ангельскимъ ликамъ.

Н. Клюевъ—съ сѣвернаго Поморья. Цвѣтистый языкъ сѣверной рѣчи онъ хранить, когда восклицаетъ о Ленинѣ—

Есть въ Ленинѣ Керженскій духъ,
Игуменскій окрикъ въ декретахъ,
Какъ будто истоки разрухъ
Онъ ищетъ въ Поморскихъ Отвѣтахъ.

Загублена царская Русь на зловѣщемъ и пустынномъ погостѣ. Воронъ-судьба сторожить царскія бармы, зарытыя въ глухихъ преисподнихъ могилахъ, и Ленинъ съ красногвардейцами вдругъ сумрачно и страшно начинаютъ походить на Ивана Грознаго съ опричниками, а Смольный институтъ—на Александровскую слободу.

Есть въ Смольномъ потемки трупобъ,
И привкусъ хвои съ костяникой,
Тамъ нищій колодовый гробъ
Съ останками Руси великой.
„Куда схоронить мертвеца“—
Толкуеть удалыхъ ватага...

Эта черная поэма о Ленинѣ странно непохожа, хотя выписана такимъ же стихомъ, какими красками Андрей Рублевъ рисовалъ иконы, —на византийски пышную Пѣснь Солнценосца.

Въ этой Пѣсни, самомъ значительномъ произведеніи крестьянскихъ новыхъ поэтовъ, Н. Клюевъ возвелъ Красное Солнце—революцію, поднятое миллионами рукъ, зажженное надъ всѣмъ міромъ, ибо крестьянскіе поэты не только націоналисты, но и интернационалисты!

Три огненныхъ дуба на пупѣ земномъ,
Отъ нихъ мы три желудя-солнца возьмемъ.
Лазоревымъ—облачный хворостъ спалимъ,
Павлинымъ—грядущаго даль озаримъ,
А красное солнце—миллионами рукъ
Подыдемъ надъ Міромъ печали и мукъ.

И за однимъ образомъ рядъ другихъ исполинскихъ пылающихъ образовъ нагромождены къ космическомъ хаосѣ возстанія рати солнценосцевъ: звонарь преисподней ударитъ въ каменный колоколь-Монбланъ... Пылающій китъ бороздитъ океаны... Демоны-братья выходятъ изъ адской норы... Солнце—просфора, лучи его—кровь, отъ нихъ вскапятъ и отопьютъ народы—Христы...

Мы—рать солнценосцевъ, на пупѣ земномъ
Воздвигнемъ стобашенный, пламенный домъ:
Китай и Европа, и Сѣверъ и Югъ
Сойдутся въ чертогъ хоровадомъ подругъ,
Чтобъ Бездну съ Zenитомъ въ одно сочетать.
Имъ Богъ — воспріемникъ, Россія же — мать.

Въ чарованіи огневыхъ образовъ стиха страннымъ узоромъ сплетаются мысли о Россіи, какъ о Бѣлой Индіи, полной тайнъ и чудесъ, и уличный призывъ „Вставай, подымайся, рабочій народъ...“ звучащій и въ полѣ, и въ кровавомъ окопѣ и за петлями воротъ въ мужицкой хатѣ.

У Н. Клюева — торжественный миеологическій эпосъ крестьянской революціи. У С. Есенина— въ Стихословѣ и Голубени — мѣрно-нѣжное созвучіе духовнаго древняго стиха.

Въ Стихословѣ—поэма „Товарищъ“, о простомъ рабочемъ, который вышелъ на улицу, когда —

Два вѣтра вамахнули
Крыломъ;
То съ вешнею полымью
Водъ
Ваметнулся Россійскій
Народъ.

Онъ былъ съ младенцемъ Исусомъ на улицѣ, когда лаяла шрапнель, когда убили отца его и младенца-Христа, и они были погребены безъ воскресенья на Марсовомъ полѣ, а самъ рабочій Мартинъ, умирая, ползая по полу въ предсмертномъ бреду, слышалъ, какъ —

...спокойно звенить
За окномъ,
То погаснувъ, то вспыхнувъ
Снова
Желѣзное
Слово:
„Ре — ес — пуу — ублика!“

Но вѣщая сила С. Есенина не въ этомъ апокрифѣ революціи, и не въ поэмѣ „Марса Посадница“ — новгородско-вѣчевомъ проклятіи московскому царю, и даже не въ сказаніи о казакѣ Усѣ, пошедшемъ

съ Дона полонить царя, снять лихо, и повѣнчавшемся подъ Калугой съ бѣлокозой дѣвицей-вьюгой.

Его сила—въ Голубени. Въ этой книгѣ стиховъ полнѣе всего особенность крестьянъ поэтовъ, о которой можно сказать: prolem sine matre creatam!

Потомство безъ родителей... Не къ отдѣльнымъ поэтамъ при-мыкають Н. Клюевъ, С. Есенинъ и П. Орѣшинъ, а къ единому большому поэту — народу. Въ причудливой биографіи С. Есенина, Н. Клюевъ заставляетъ говорить его о томъ, какъ пришелъ изъ Рязанской губерніи онъ — отрокъ вербный, съ голоскомъ слаще дѣвичьихъ музъ, и какъ литераторы — книги трупы, бумажные дятлы, книжное мелево, сердца папиросныя — учили его поэзи.

Въ поученіе дали мнѣ Игоря
Сѣверянина пудренный томъ —
Сердце поняло: заживо выгорятъ
Тѣ, кто смерти задѣтъ крыломъ.

Крайность разительная: огромный индивидуализмъ Сѣверянина и поэтическое сердце С. Есенина, взятое изъ народной груди.

Въ Голубени С. Есенинъ отрывается отъ пристани русской старой литературы и тихо отплываетъ въ необъятное море къ жизни-праматери —

Пѣвчимъ свѣтомъ алмазно заиндивѣлъ
Надо мной древословный навѣсъ,
И страна моя, Бѣлая Индія,
Преисполнена тайнъ и чудесъ!

Могучій зооморфизмъ, чувство природы и Руси, какъ огромнаго живого, животнаго существа, вѣетъ надъ этой книгой стариннымъ языческимъ сумракомъ —

Осень, рыжая кобыла, чешетъ гриву,
Слышенъ синій лязгъ ея копытъ.

Суровая грубость этихъ образовъ еще звучнѣй въ стихѣ „Октоихъ“ —

О родина, счастливый
И неисходный часъ.
Нѣтъ лучше, нѣтъ красивѣй
Твоихъ коровьихъ глазъ.

Безъ душевной раздвоенности, безъ налета книжной культурности, безъ раздумья, съ варварски-мощнымъ напѣвнымъ стихомъ и стихійной ясностью язычника С. Есенинъ чертитъ свой стихъ, рисуетъ Русь, какъ иконописецъ Андрей Рублевъ, и недаромъ Н. Клюевъ сказалъ объ этомъ свойствѣ новаго русскаго „яровчатого стиха, пѣсноводнаго жениха“ —

„Пустите Баяна — Рублевскую Русь,
Я тайной умоюсь, а пѣсней утрусъ“.

Глядя сквозь вечернія синія стекла, С. Есенинъ видитъ міръ, какъ дивную икону —

На синихъ окнахъ накапанъ ликъ:
Бредетъ по тучѣ сѣдой старикъ.
Онъ смуглой горетью, межъ тихихъ дровъ
Бросаетъ звѣзды—озимый сѣвъ.
Взрастаетъ нива, и зерна душъ
Со звономъ неба спадаютъ въ глушь.

Какъ хорошо, что С. Есенинъ вывелъ народную поэзію не изъ ея литературной условной и прѣсной, невыносимо наскучившей школы, до сихъ поръ не отдѣлавшейся отъ „добрыхъ молодцевъ“ и „красныхъ дѣвицъ“, а изъ дикаго первобытнаго истока, гдѣ русскій языкъ суровъ и жестокъ, могучъ и ясенъ.

Ты иди учишь въ пустыняхъ и лѣсахъ.
Наша тайна отразилась въ небесахъ.

Оттого стихи С. Есенина пряны и свѣжи, какъ запахъ травъ, но ярки и многоцвѣтны, какъ весеннее цвѣтеніе полей. Онъ доходитъ иногда до натурализма древняго египетскаго рисунка —

Небо, словно вымя,
Звѣзды, какъ сосцы.
Пухнетъ Вожье имя
Въ животѣ овцы.

О дряхлой умирающей коровѣ и раненой лисицѣ С. Есенинъ разсказалъ съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ о Матери Божіей, замѣсившей сыну колобъ изъ небснаго тѣста и назвавшей его мѣсяцемъ-луной...

Н. Клюевъ и С. Есенинъ—солнценосцы. Они себя причислили къ людямъ солнца, къ людямъ свѣта и первозданной необъятности видимаго міра, не отравленнаго сумеречнымъ ядомъ болѣзненно выродившейся русской поэзи на вершинахъ символизма.

Ихъ путь—не единственный. И намъ онъ чуждъ.
 Въ пропасти улицъ закинута,
 Городомъ взятые въ плѣнъ,
 Что мы мечтаемъ о Солнцѣ потерянномъ!
 Области Солнца задвинуты
 Плитами комнатныхъ стѣнъ,
 Въ свѣтѣ искусственномъ,
 Четкомъ, умѣренномъ,
 Взоры отъ красокъ отучены,
 Имъ ли въ расплавленномъ золотѣ зорь потонуть?...

(В. Брюсовъ.)

Н. Клюевъ и С. Есенинъ, развернувъ новую страницу русской литературы, вписали въ нее киноварью и окрой совѣмъ особья письма, которыхъ мы до сихъ поръ не знали, и читаемъ ихъ, какъ странно-родную и чуждо, дико звучащую древнюю повѣсть.

Третій и наименьшій изъ поэтовъ-крестьянъ П. Орѣшинъ, пѣликомъ примыкающій къ нимъ, но далеко еще не развернувшій своего дарованія, испыталъ на себѣ муку оторванности отъ свѣтлага міра, въ которомъ окрыленно и звонко звучатъ ихъ солнценосныя пѣсни. Онъ рассказываетъ въ своей поэтической автобіографіи —

Въ Питерѣ служба: въ конторѣ, на желѣзной дорогѣ,
 Запахъ чернилъ, сплетни обойденныхъ по службѣ...
 Думы, какъ крысы бумагу, душу мою изѣли...
 Везде стоять Судьбы камнекрылыя стѣны...

Но и въ его жизни насталъ моментъ, когда онъ осозналъ себя человѣкомъ и поэтомъ. И здѣсь онъ раскрываетъ тайну рожденія творческаго паюса крестьянъ-поэтовъ. Они родились, какъ поэты, не отъ стихій природы, не отъ крестьянской Руси, не отъ лѣсовъ и рѣкъ, не отъ сжигающей Индіи и медвяныхъ влажныхъ волжскихъ луговъ, а отъ Великой Матери всего творческаго и великаго—отъ революціи —

Вижу себя порой на огромномъ крестѣ распятымъ,
 Душу свою, давно изшедшую кровью...
 Время возносить въ небо зарево нашихъ страданій,
 Лечь черезъ край слезы и кровь Чаша Господня...
 Слышу сквозь сонъ чьи-то мольбы изъ пылающихъ зданій,
 Чьи-то проклятья... Эхъ, умереть бы сегодня!

Умереть, какъ у С. Есенина умираетъ Мартинъ и казакъ Усь, какъ въ первыхъ стихахъ Н. Клюева человѣкъ въ черной рубахѣ несетъ голову на плаху,—чтобы воскреснуть въ народной стихійной великой душѣ.

Отсутствіе индивидуальности, глубочайшая связанность съ народной массой, вѣрность народу на всѣхъ его путяхъ—это послѣднее и самое глубокое свойство поэтовъ-крестьянъ современности, выдѣляющее ихъ совершенно и всецѣло отъ культа личности въ доцвѣтающей русской литературѣ вчерашняго дня.

Валентинъ Рожицынъ.

